

Опричина въ оцѣнкѣ исторіи.

Въ своей оцѣнкѣ опричины, Соловьевъ, въ общемъ, примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія Карамзина. Однако, онъ попытался уловить извѣстный политическій смыслъ тамъ, гдѣ авторъ Исторіи Государства Россійскаго видитъ только рядъ ужасовъ и безумствъ. По крайней мѣрѣ, на послѣднихъ страницахъ VI тома соловьевской исторіи, глава опричины уже характеризуется, какъ преобразователь государства. То же самое находимъ мы у Кавелина (Сочиненія, I). Однако, Погодинъ (Историко-критическіе отрывки, М., 1846), Юрій Самаринъ (Сочиненія, V, 203), и самъ Константинъ Аксаковъ (Сочиненія, I),— правда, съ нѣкоторыми оговорками повторяютъ Карамзина. У нихъ опричина представляетъ собою созданіе капризнаго деспота, прихоть новаго Нерона, являющагося подлиннымъ художникомъ всякихъ злодѣйствъ. Еще сравнительно недавно Бестужевъ-Рюминъ присоединился къ Соловьеву во II томѣ своей Исторіи Россіи. Этимъ онъ навлекъ на себя рѣзкую критику со стороны Костомарова (В. Е., 1871, № 10) и Иловайскаго (Русскій Архивъ, 1889, 363). Оба эти историка рѣшительно примыкаютъ къ точкѣ зрѣнія Карамзина. Между прочимъ, въ самомъ бѣгствѣ Курбскаго Иловайскій видитъ лишь естественное послѣдствіе безчеловѣчныхъ жестокостей Грознаго. Онъ ни за что не хочетъ видѣть въ этомъ предательствѣ одну изъ причинъ и, тѣмъ менѣе, оправданіе опричины.

Всѣ подобные приговоры, очевидно грѣшили излишне суровой категоричностью. Совершенно естественно, что они вызвали извѣстную реакцію. Какъ всегда бываетъ, эта первоначальная реакція

ударилась въ противоположную крайность. Апологеты Ивана настолько увлеклись своей задачей, что пришли къ заключеніямъ, подъ которыми едва ли возможно подписаться. Между прочимъ, въ основаніе своей статьи, напечатанной въ Журналѣ М. Н. Пр. въ 1886 году (Объ историческомъ значеніи русскаго боярства), Бѣловъ положилъ тезисъ, который съ нѣкоторыхъ поръ въ большомъ ходу у нѣмецкихъ теоретиковъ государственнаго права. Бѣловъ заявлялъ, что Новгородская бойня, учиненная Иваномъ, можетъ найти себѣ объективное объясненіе въ общемъ возбужденіи умовъ, характерномъ для этой эпохи; что же касается мученической смерти Филиппа, то она явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вмѣшательства этого іерарха въ область политики. Другіе историки пошли еще дальше въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, одинъ изъ біографовъ Курбскаго, Горскій (Казань, 1858) рѣшился прямо оправдывать осужденіе Сильвестра и Адашева безъ выслушанія объясненій самихъ обвиняемыхъ. По мнѣнію Горскаго, бывшіе царскіе любимцы, все равно, не признали бы за собой вины. Я уже упоминалъ о казни князя Пронскаго. По свидѣтельству Курбскаго, его утопили, а по словамъ Таубе и Крузе—растерзали на части. Отсюда Горскій заключаетъ, что Пронскій спокойно скончался на своемъ смертномъ одрѣ. Что касается архіепископа Новгородскаго, Леонида, то всѣ свидѣтельства согласны, что его зашили въ медвѣжью шкуру и затравили собаками. Однако, по мнѣнію Горскаго, этотъ пастырь былъ несомнѣнно виновенъ, а Иванъ поступилъ съ нимъ согласно требованіямъ справедливости. Столь извращенныя сужденія, связанныя съ очевиднымъ недостаткомъ нравственнаго чувства, производятъ самое удручающее впечатлѣніе. Однако, оставимъ въ сторонѣ, какъ апологетовъ, такъ и противниковъ Грознаго. Мы должны подойти къ вопросу съ объективной стороны. Для этого нужно точнѣе проанализировать всѣ элементы причины и ближе выяснить тѣ историческія условія, при которыхъ создалось это любопытное явленіе.

Нужно замѣтить, прежде всего, что, среди современниковъ Ивана, даже иностранцы отнюдь не смотрѣли на Грознаго царя, какъ на чудовище преступленія, или, просто, какъ на жестокаго государя. Я уже не говорю о тѣхъ свидѣтеляхъ защиты, которыхъ Форстенъ отыскалъ въ Любекѣ (Борьба изъ-за господства надъ Балтійскимъ моремъ, СПб., 1884, 167). Ихъ показанія уже слишкомъ снисходительны: они превозносятъ гуманность Грознаго, увѣряя, что онъ

искренне стремился къ соединенію церквей. Конечно, все это—лишь дѣло торговой рекламы. Если венеціанскій посолъ въ 1775 году, Липпомано, и представлялъ Ивана праведнымъ судіею, то онъ, очевидно, руководился подобными же побужденіями (*Hist. Russiae Monumenta*, I, 271). Однако, обратимся къ польскимъ избирателямъ 1572 и 1575 гг.; мы знаемъ уже, что они были очень склонны поддерживать кандидатуру Ивана. Безспорно, это является уже болѣе вѣскимъ показаніемъ въ пользу Московскаго государя.

Иноземные лѣтописцы и историки той эпохи, въ общемъ, нарицали страшную и отвратительную картину жизни опричнины и ея создателя. Однако, должны ли мы довѣрять разсказу Таубе и Крузе? Повѣствуя объ убійствахъ въ Новгородѣ, какъ очевидцы, они помѣщали этотъ городъ на берегу... Волги! Ливонскій лѣтописецъ Геннингъ разсказываетъ, какъ одинъ ребенокъ былъ взятъ опричниками изъ колыбели и принесенъ къ Ивану. Царь сначала цѣловалъ и ласкалъ его, а затѣмъ зарѣзалъ ударомъ кинжала и выбросилъ трупъ его въ окно. Это мерзко, но вѣдь, Геннингъ беретъ этотъ анекдотъ либо отъ Магнуса, либо отъ виленскаго воеводы Радзивилла, — т.-е. плохихъ авторитетовъ въ этомъ отношеніи! Одерборнъ (*Ioannis Basilidis vita*, Витебскъ, 1585, см. у Старева II, 228) приписывалъ Грозному проявленіе жестокости еще болѣе лютой, если только это возможно, при томъ же приправленной садизмомъ: женщинъ хватали въ ихъ домахъ для удовлетворенія похоти царя и его товарищей, затѣмъ ихъ душили, тащили обратно въ дома ихъ мужей, и вѣшали на цѣлыя недѣли надъ столомъ, на которомъ мужья ихъ должны были ѣсть. Въ другихъ случаяхъ дѣвушекъ и почтенныхъ женщинъ, изнасилованныхъ при встрѣчѣ въ городѣ или деревнѣ, обнажали на жестокомъ холодѣ и ставили на снѣгъ на позоръ проходящимъ. Одерборнъ былъ протестантскимъ пасторомъ. Онъ составилъ и отпечаталъ свой трудъ на польской территоріи. Это было въ ту эпоху, когда протестантизмъ утратилъ въ Московскомъ государствѣ свои прежнія привилегіи. Въ то время Польша готовила завоеваніе Москвы и, пуская въ ходъ всякое оружіе, не пренебрегала и помощью прессы, въ которой она въ своихъ цѣляхъ пользовалась извѣстнымъ документальнымъ матеріаломъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до этого не менѣе тенденціозное произведеніе Гваньино уже фигурировало въ качествѣ средства борьбы въ рукахъ Баторія.

Съ другой стороны, по отношенію къ книгѣ Одерборна у насъ есть критерій, который можно приложить и къ другимъ подобнымъ писаніямъ. Померанскій историкъ посвятилъ одну изъ наиболѣе сенсационныхъ страницъ своей книги описанію сопровождавшагося убійствами разграбленія, которое въ 1578 или 1580 г. положило конецъ благополучію Московской Нѣмецкой слободы. Во время этого погрома насилывали дѣвушекъ, а затѣмъ убивали ихъ на глазахъ царя. Самъ Иванъ поражалъ намѣченные жертвы копьемъ и сбрасывалъ ихъ въ рѣку. 2 сына государя, будучи свидѣтелями этого гнуснаго зрѣлища, испытывали такое отвращеніе къ происходившему вокругъ нихъ, что младшій бѣжалъ оттуда, рискуя подвергнуться гнѣву царя. Тутъ было все. Богатые купцы предлагали выкупъ за своихъ близкихъ. Царь отказалъ имъ. Тогда они начали поносить его. Въ бѣшеномъ гнѣвѣ Иванъ подвергъ за это несчастныхъ нѣмцокъ ужаснымъ пыткамъ. Ихъ били до крови кнутомъ, вырывали у нихъ ногти; когда же онѣ среди пытокъ продолжали молиться, призывая имя Іисуса, у нихъ вырывали языки. Наконецъ, ихъ убили и, пронизывая раскаленными до бѣла копьями, сожгли. Сохранились и другіе рассказы объ этомъ событіи. Рассказъ Горсея, строго говоря, долженъ быть отнесенъ къ другому событію того же рода, такъ какъ авторъ не былъ въ Россіи въ 1578 году, къ которому Одерборнъ приурочиваетъ разгромъ. Однако, мало вѣроятно, чтобы слобода была разрушена два раза подрядъ. И какъ англійскій писатель, такъ и французъ Маржеретъ относятъ событіе къ 1580 году. Версіи какъ того, такъ и другого въ своихъ ужасныхъ и отвратительныхъ деталяхъ далеки отъ передачи Одерборна. Маржеретъ упоминаетъ только о разрушеніи двухъ протестантскихъ церквей и о грабежѣ въ нѣмецкихъ домахъ. При этомъ обитатели ихъ «безъ уваженія къ ихъ возрасту и полу», не смотря на зимнее время, «были раздѣты до нага, оставшись въ чемъ мать родила». Горсей говоритъ, что на мѣстѣ погрома нѣкоторыя женщины и дѣвушки были изнасилованы, нѣкоторыя увезены опричниками, нѣсколько же обнаженныхъ женщинъ скрылись въ домѣ одного изъ его соотечественниковъ. Маржеретъ и не думаетъ жалѣть пострадавшихъ: «они не могли обвинять никого другого, кромѣ самихъ себя. Ихъ поведеніе было такъ гордо, ихъ манеры такъ надменны и ихъ одежды такъ великолѣпны, что всѣхъ ихъ можно было принять за принцевъ и принцессъ». Обитатели слободы создавали свои богатства, продавая крѣпкіе напитки: они

злоупотребляли своей монополіей, получая отъ этой торговли громадные барыши.

Въ заключеніе намъ остается сослаться на свидѣтеля, наиболѣе достовѣрнаго. Въ одномъ небольшомъ латинскомъ сочиненіи, озаглавленномъ *Psalmodum Davidis parodia heroica*, авторъ—родомъ изъ Любека, по имени Бохъ или *Bochius*, записываетъ нѣкоторыя замѣчанія, относящіяся къ его пребыванію въ Москвѣ въ 1578 году. Возможно, что его присутствіе тамъ было связано съ переговорами, начавшимися тогда между Римомъ и Москвой. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ тамъ, когда разыгрались событія, изображенныя Одерборномъ. Онъ воспользовался гостепріимствомъ одного своего соотечественника, жившаго въ домѣ по сосѣдству съ Нѣмецкой слободой. Однажды, въ обѣденный часъ, слобода была занята воинами, одѣтыми въ черное. Во главѣ ихъ былъ царь, котораго сопровождали сыновья и многіе представители знати. Немедленно дома были разграблены, жители раздѣты и выгнаны на улицу.

При большомъ морозѣ мужчины, женщины и дѣти, совершенно нагіе бѣгали, ища крова. Ихъ преслѣдовали и били безъ жалости. Хотя приказано было только грабить, а не бить, говоритъ авторъ, но самъ онъ былъ избитъ до неузнаваемости кулаками по лицу и плетью по тѣлу. Раздѣтый такъ же, какъ и другіе, онъ былъ извлеченъ изъ убѣжища, которое нашелъ. Его нѣсколько разъ въ ночь били кнутомъ и всячески мучили до утра. Днемъ одинъ ливонскій дворянинъ вступился за него, избавилъ отъ мучителей и призвалъ ему на помощь врача.

Эта сцена достаточно возмутительна, но сразу видно ея отличіе отъ описаній предшествующихъ авторовъ. Здѣсь не было ни изнасилованій, ни убійствъ: передъ нами не болѣе, какъ полицейскій пріемъ—немножко грубый, но въ духѣ того времени. Бохъ утверждаетъ, что этотъ погромъ вызвалъ митрополитъ, указавъ на то, что иноземцы развращаютъ воиновъ царя въ своихъ кабакахъ. Очевидно, Одерборнъ и Горсей вышли свой рассказъ по этой канвѣ, которая могла бы, однако, обойтись и безъ преувеличеній. Чтобы уличить ихъ въ этомъ клеветническомъ измышленіи, намъ пришлось остановиться на болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствахъ.

Строгій и жестокій, переходящій всякую мѣру и сумасбродный судъ Грознаго не имѣетъ оправданій. Одинъ только Синодикъ Кирилло-Вѣлосерскаго монастыря отмѣчаетъ 3470 жертвъ царя. При-

писанные ко многимъ именамъ памятки въ родѣ: «съ женою и дѣтьми,—съ дочерьми,—съ сыновьями» невольно вызываютъ дрожь. Тамъ же находятся такія записи: «Казаринъ Дубровскій съ двумя сыновьями и болѣе, чѣмъ съ 10 людьми, пришедшими ему на помощь;—двадцать человѣкъ села Коломенскаго;—восемьдесятъ изъ Матвѣихи». А подъ Новгородской рубрикой: «Помяни, Господи, души рабовъ твоихъ числомъ 1500, жителей сего города».

Точно такъ же Людовикъ XI молился за своего брата, герцога Беррійскаго.

Въ другомъ мѣстѣ, уставъ перечислять свои жертвы, Иванъ обращается къ самому Богу. Онъ поручаетъ Всевышнему убійенныхъ мужей, женъ и младенцевъ—«имена же ихъ Ты, Господи, всѣи». Въ Синодику Свѣяжскаго монастыря упомянуты княжна монахиня Евдокія, монахиня Марія и монахиня Александра, утопленная въ Шекснѣ, притокъ Бѣлоозера. Княжна Евдокія была Ивану теткой. Александра—одна изъ его невѣстъ; Марія же—сестра Владиміра. Грозный не берегъ своихъ близкихъ, и, если фантазія или какой-нибудь расчетъ заставляли его щадить человѣка, онъ поразалъ его родственниковъ. «Надъ чернецомъ что опалятися», писалъ онъ игумену Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря по поводу Терентьева, «ино есть его братія въ міру, и мнѣ есть надъ кѣмъ опала своя положить?» Все это дѣлала опричнина или, по крайней мѣрѣ, во всемъ этомъ она принимала участіе. Но по донесенію агента польскаго короля (*Schlichting* см. *Scriptores rer. pol.* I 145—147) безъ такихъ приемовъ террора Иванъ не могъ бы удержаться на престолѣ. Когда царь собственноручно поразилъ кинжаломъ Ивана Петровича Шуйскаго, онъ имѣлъ въ рукахъ документъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что этотъ бояринъ въ сообществѣ со многими другими обязался предать его польскому королю, какъ только послѣдній проникнетъ на московскую территорію.

Нѣкоторые отрицали, что существовала борьба между царемъ и защитниками стараго порядка. Но вѣдь подготавливать такія покушенія—это и есть борьба, иначе слова вообще не имѣютъ никакого смысла. Эта упорная и дикая борьба была и съ той, и съ другой стороны доведена до крайности, до забвенія чувства долга или чести, съ одной стороны, и до забвенія всякой жалости съ другой.

Однако, горячность и жестокость этой борьбы не исключали той примиренности съ совершившимся фактомъ, той покорности передъ высшей силой, которая составляютъ неискоренимую черту націо-

нального русскаго характера. Это обмануло многих наблюдателей. Отправленный въ 1576 году Иваномъ къ императору Максимилиану, князь Сугорскій, задержанный въ пути тяжелой болѣзнью, жаловался: «Если бы я могъ подняться... Жизнь моя ничто, только бы государь нашъ здравствовалъ». — «Какъ вы можете такъ усердно служить такому тирану?» спросилъ герцогъ Курляндскій.

Сугорскій отвѣчалъ:

«Мы, русскіе, преданы царямъ и милосерднымъ и жестокимъ...» Для поясненія онъ разсказалъ, что одинъ бояринъ нѣсколько времени тому назадъ, посаженный на колъ по приказанію царя, терпѣлъ 24 часа эту ужасную пытку, не переставая говорить съ женой и дѣтьми и все время повторялъ: «Боже, помилуй царя». Этотъ фактъ передаетъ Карамзинъ (IX гл. IV).

Враги мѣтили царю въ сердце и поражали его съ тылу. Иванъ же не довольствовался тѣмъ, что возвращалъ ударъ за ударъ. Даже въ народной поэзіи, относящейся къ нему съ такимъ снисхожденіемъ, прорывается подчасъ сознаніе, что, наказавъ за несправедливость и наградивъ за правду, царь становился все болѣе и болѣе жестокъ, и не соразмѣрялъ уже своихъ милостей и своихъ казней съ заслугами и преступленіями (*Кирѣевскій*, Собраніе пѣсень. Москва 1860 — 1862 VI выпускъ, стр. 2015). Какъ призракъ, стоящій надъ грудой труповъ, на кровавомъ фонѣ сѣвернаго сіянія, Иванъ не представлялъ, однако, изъ себя исключительнаго явленія. Въ своей странѣ онъ лишь продолжалъ традиціи прошлаго, воскрешая приемы Ниневіи и Вавилона, когда съ жестокостью переселялъ массами народъ изъ Новгорода въ Москву, или изъ Пскова въ Рязань. Василій уже прибѣгалъ къ подобнымъ приемамъ по отношенію къ извѣстнымъ семьямъ. Онъ бралъ ихъ изъ тѣхъ же областей и отправлялъ внутрь страны, на ихъ же мѣсто заставлялъ пріѣзжать другія семьи изъ бассейна Волги. За 30 лѣтъ до опричнины Максимъ Грекъ уже говоритъ о мнимыхъ преступленіяхъ, вѣняемыхъ невиннымъ и караемыхъ. Когда хотѣли найти виноватыхъ, агенты царя подбрасывали трупъ или украденную вещь въ намѣченный домъ и судъ государевъ творилъ свое дѣло.

Въ своемъ вѣкѣ Иванъ имѣлъ и примѣры, и подражателей въ 20 европейскихъ странахъ. Нравы его эпохи оправдывали его систему. Посмотрите на Италію. Читайте Бурхарда, хладнокровно писавшаго свои протокольные замѣтки въ средѣ Александра VI и семьи Борджіа.

Прочтите иронически-снисходительныя депеши венеціанскаго посланника Джустиньяни или циническіе мемуары Челлини. Перенеситесь въ Феррару къ наиболѣе цивилизованному двору всего полуострова: вы увидите тамъ кардинала Инполита д'Эста, соперничающаго въ любви со своимъ братомъ Джуліо и приказывающаго вырвать ему глаза въ своемъ присутствіи. Пробѣгите протоколы *giustizie* того времени. Ужасы Красной площади покажутся вамъ равными ужасамъ этой юстиціи, если не превзойденными ими: люди, повѣшенные и сожженные въ одно и то же время, кровоточащіе обрубки рукъ и ногъ, раздавленные между двумя блоками—все это дѣлается среди бѣла дня и никто не удивляется, никто не приходитъ въ ужасъ, никто не возмущается. Пойдите въ другой конецъ материка, въ Швецію: васъ ждетъ тамъ Эрикъ XIV, великій король до своего безумія, со своимъ Малютой Скуратовымъ, любимцемъ Персономъ. Оба они выходятъ изъ знаменитой кровавой бани 1520 г., когда 94 епископовъ, сенаторовъ и патриціевъ были казнены въ одинъ день въ Стокгольмѣ! Но вотъ на престолѣ Іоаннъ III. Персонъ натворилъ чересчуръ много зла. Поэтому, по приказу новаго короля, его вѣшаютъ, но такъ, что дышать не вполнѣ; затѣмъ ему дробятъ руки и ноги, а такъ какъ онъ еще дышитъ, ему пронзаютъ грудь ножомъ. Не пренебрегайте и Нидерландами. Пусть погромъ Льежа, о которомъ я упоминалъ, произошелъ раньше на одно столѣтіе. Но развѣ Иванъ не пользовался уроками европейской цивилизаціи? Онъ могъ даже на такомъ разстояніи вдохновиться примѣрами Хагенбаха—этого правителя Эльзаса по системѣ Карла Смѣлаго, о подвигахъ котораго вы знаете. Можетъ быть, царю рассказали о знаменитомъ праздникѣ, на которомъ приглашенные мужчины, по приказу правителя, должны были узнать своихъ женъ, раздѣтыхъ донага и съ лицами, закрытыми вуалью. Тѣхъ, которые ошибались, спускали внизъ съ лѣстницы. Я могъ бы напомнить капитуляцію Монса, условія которой были нарушены въ 1572 г. намѣстникомъ Альбы Нуаркармомъ. 11 мѣсяцевъ побѣдители предавались тамъ кровавымъ эксцессамъ. Я могъ бы напомнить о 20.000 гражданъ Гарлема переколотыхъ въ слѣдующемъ году лично самимъ герцогомъ въ то время какъ Филиппъ II въ официальномъ письмѣ предлагалъ награду за убійство Вильгельма Оранскаго! Такъ какъ мы теперь на испанской территоріи, то не забудьте инквизицію и 40 протестантовъ, сожженныхъ 12 марта 1559 года въ Валладолидѣ! Если, покинувъ еще горячій пепелъ этого аутодафе,

вы пойдете во Францію, ноги ваши будутъ скользить въ крови Варооломеевской ночи. Переѣхавъ море, вы найдете Генриха VIII, увидите казематы и висѣлицы, вы увидите голову рочестерскаго епископа Финера, гніющую на рѣшеткѣ Лондонскаго моста, и въ то же время изящное зрѣлище—короля въ бѣломъ шелковомъ одѣяніи, ведущаго къ алтарю Анну Сеймуръ на другой день послѣ того, какъ онъ приказалъ обезглавить Анну Болейнъ!

Въ той исторической средѣ, изъ которой вышли эти призраки, они получаютъ плоть и кровь въ лицѣ Грознаго. И, если мы примемъ въ расчетъ различія въ культурѣ, этотъ царь не покажется намъ черезчуръ далекимъ, душою и тѣломъ, отъ цивилизованнаго и христіанскаго міра Европы той эпохи.

Я говорю объ оправданіи Грознаго нравами той эпохи. Если оно доказано по отношенію къ Европѣ, то не менѣе достовѣрно оно и со стороны Россіи. Курбскій, давшій тонъ хулителямъ царя, былъ стороной въ этой тѣлѣ, представителемъ непокорнаго меньшинства. Масса же выражала свои впечатлѣнія при помощи народнаго поэтическаго творчества, и вы уже знаете духъ его. Народъ не только переносилъ Ивана, онъ имъ восхищался, удивлялся ему и любилъ его. Въ толпѣ его сотрудниковъ онъ удержалъ въ памяти только 2 имени и 2 лица: выскочку Никиту Романовича Захарьина и палача Малюту Скуратова. Исторія мало знаетъ о первомъ. Братъ царицы Анастасіи онъ, какъ и Сіейсъ, извѣстный свидѣтель французскаго террора въ XVIII столѣтіи, «умѣлъ жить». Легенда сдѣлала изъ него героя. Она изобразила, какъ онъ отказывается отъ милостей царя и довольствуется печалованіемъ о болѣе мягкихъ для народа новыхъ законахъ. Но та же легенда отдаетъ предпочтеніе Малютѣ Скуратову, идеализируя его, какъ истребителя бояръ и князей.

Этотъ демократическій инстинктъ властно обнаруживается во всѣхъ воплощеніяхъ народнаго слова. Онъ раскрываетъ намъ тайну опричнины, ея идею, а также легкость, съ которой Грозный навязалъ ее однимъ и вызвалъ одобреніе у подавляющаго большинства. Въ сценахъ, въ которыхъ народное творчество ставитъ лицомъ къ лицу бояръ и крестьянъ, первые всегда играютъ неказистую роль. Это либо плуты, либо дураки. Въ одной легендѣ разсказывается о загадкѣ, которую государь долженъ былъ разгадать; отъ этого зависѣла его судьба. Помогъ ему въ этомъ крестьянинъ, тогда какъ всѣ знатные, призванные царемъ, не могли ничего придумать. Легенда производитъ

царя изъ простой семьи, она же придаетъ его власти народное происхождение. Послѣ смерти одного царя, народъ идетъ на рѣку со свѣтильниками, которые нужно окунуть въ воду, а потомъ зажечь. Царство должно достаться тому, кто первый зажжетъ свой свѣтильникъ. «Пойдемъ къ рѣкѣ», говоритъ одинъ бояринъ Ивану: «если я стану царемъ, я дамъ тебѣ волю».—Пойдемъ», отвѣчаетъ Иванъ: «если я стану царемъ, я прикажу срубить тебѣ голову». Иванъ выигрываетъ и сдерживаетъ свое слово.

Здѣсь—вся философія народа. Повидимому, онъ не сохранилъ никакихъ воспоминаній о вѣшнихъ войнахъ Ивана; что же касается административныхъ реформъ Грознаго, то народное сознаніе отмѣтило только ихъ нивелирующую тенденцію.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ то обѣщаетъ содрать кожу съ князей и бояръ, то сварить ихъ живьемъ.

Онъ благочестивъ: народная поэзія подчеркиваетъ это. И, однако, помолвившись за обѣдней, онъ собирается рубить «головушки» тѣмъ же боярамъ съ князьями...

Вотъ, что важно. Впрочемъ, возможно, что кромѣ ненависти и мести, здѣсь бессознательно сказалось и другое чувство. Быть можетъ, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что, въ своей борьбѣ съ боярами, Иванъ защищалъ основныя начала русской жизни—православія, самодержавія, народности; во всякомъ случаѣ, Иванъ, вообще, боролся за единство русской земли. Какъ мы видѣли, въ своемъ православіи и въ привязанности къ русскому, Курбскій не уступалъ самому ярому фанатику изъ своихъ мужиковъ Далѣе, по крайней мѣрѣ, въ эту эпоху едва ли можно признать преданность самодержавію характерной чертой народнаго духа: вѣдь, память о прежнемъ вѣчевомъ устройствѣ еще не могла окончательно исчезнуть въ XVI вѣкѣ. Но Курбскій и ему подобные заводили тайныя сношенія съ Польшей. Такимъ образомъ, они измѣняли своему царю и отечеству; они ковали крамолу при помощи иноземцевъ. Значитъ, *измѣна*, вотъ, что является основнымъ мотивомъ народной поэзіи, воспѣвающей Грознаго. Эта измѣна преслѣдуетъ царя по пятамъ; она тонетъ въ крови и опять возрождается, принимая самыя разнообразныя формы.

Оправдывая всеобщимъ предательствомъ жестокости Грознаго, народная легенда, однако, по своему объясняетъ происхождение зла. Здѣсь логика народа, какъ будто, оказывается непоследовательной; во всякомъ случаѣ, она производитъ довольно странное впечатлѣніе.

Впрочемъ, это отнюдь не рѣдкое явленіе въ области народнаго творчества. Покоривъ себѣ всѣхъ земныхъ царей, какъ и подобаетъ герою легенды, Иванъ требуетъ отъ нихъ дани. Тѣ соглашаются и даже общаются прислать царю еще двѣнадцать бочекъ золота, если только онъ разгадаетъ три загадки. Какъ и всегда, мудрость обычныхъ со- вѣтниковъ государя, бояръ и князей, оказывается въ данномъ случаѣ безсильной. Царю помогаетъ въ его затрудненіи простой плотникъ: за его находчивость Иванъ общается ему одну бочку золота. Но вмѣсто золота, царь насыпаетъ туда песку. Тогда мужикъ, угадавшій этотъ обманъ такъ же легко, какъ онъ разрѣшилъ заданные царю во- просы, предвѣщаетъ Ивану заслуженное наказаніе. Онъ говоритъ ему, что его постигнетъ то, въ чемъ онъ самъ согрѣшилъ. Отъ него пошла измѣна по русской землѣ, и самъ онъ будетъ больше всего тер- пѣть отъ нея (*Рыбниковъ*, Сборникъ народныхъ пѣсенъ, II, 232—236).

Народъ—это подлинный *enfant terrible*. Однако, я сошлюсь еще на одно показаніе, которое нельзя не признать вѣскимъ. Какъ мы знаемъ, свидѣтелемъ кровавыхъ казней Ивана былъ англійскій путе- шественникъ Ченслеръ. Любопытно, что, разсуждая чисто практи- чески, онъ пришелъ къ заключенію, въ которомъ, повидимому, выразился взглядъ просвѣщенныхъ и культурныхъ современниковъ Ивана. «Дай Богъ», писалъ онъ, «чтобы и нашихъ упорныхъ мятежни- ковъ можно было такимъ же образомъ научить ихъ обязанностямъ по отношенію къ государю». (*Hakluyt*, I, 240).

Я намѣренно не касался до сихъ поръ сношеній Ивана IV съ Ан- гліей. Дѣло въ томъ, что ихъ можно понять лишь при свѣтѣ вышеиз- ложенныхъ фактовъ. Теперь пора обратиться къ этому вопросу, ибо какъ въ жизни Ивана, такъ и въ исторіи его царствованія, эта стра- ница имѣетъ немаловажное значеніе *).

*) Главнымъ пособіемъ по исторіи опричнины является книга *Платонова*—Очерки по исторіи смуты. СПб., 1899. Ср. *Милоковъ*, Очерки, СПб., 1896, I; *Сергѣевичъ*, Русскія юридич. древн., II. *Бѣловъ*, Предварительныя замѣчанія къ исторіи Ивана Грознаго, М. М. Н. Пр., 1897; *его же* Русская исторія, СПб., 1895; *Чичеринъ*, Опыты по ист. р. пр., М. 1858; *Дьяконовъ*, Очерки по исторіи сель- ского населенія СПб., 1898; *Ключевскій*, Боярская Дума, М., 1883; *Владимірскій-Будановъ*, Хрестоматія, М., 1887; сюда же относятся сочиненія, указанные въ текстѣ. — О святомъ Филиппѣ — его жизнеописаніе, составленное вскорѣ послѣ его смерти и напеча-

танное, въ качествѣ приложенія къ біографіи этого святителя—московскаго изданія, 1869 года. Ср. *Леонидъ*—та же біографія, М. 1861; *Валуевъ*—ср. соответствующую статью въ Библіотекѣ для воспитанія 1845; *Уманецъ*—статья на ту же тему въ Древней и Новой Россіи, 1877; *Макарій*, Исторія Русской Церкви СПБ., 1877, VI; *Гумилевскій*, Исторія Русской Церкви, М. 1888, III. — О Рогитѣ: *Цвѣтаевъ*, Протестантизмъ и протестанты въ Россіи, М. 1890; *Гумилевскій*, О. с. Рѣчь Рогиты съ довольно значительными вариантами воспроизводится у Lasicius, de Russorum religione, Spire, 1582 и у *Одерборна*. Последняя редакція, повидимому, болѣе точна, ибо въ основу ея положена рукопись одного изъ непосредственныхъ свидѣтелей бесѣды. Отвѣтъ Ивана былъ изданъ *Поповымъ*, въ 1878 г. въ Чтеніяхъ О-ва Исторіи и древностей кн. II. О Симеонѣ Бекбулатовичѣ: *Лилеевъ*, Симеонъ Бекбулатовичъ, Тверь, 1891. — Источники—русскія лѣтописи, въ особенности, лѣтопись Александра Невскаго, вторая и третья Новгородскія лѣтописи и первая Псковская; Ливонскія лѣтописи: *Геннингса* (Script. rer. livon, II), *Руссова* (Ibid., I), *Реннера* (Livl. Historien, Goettingen, 1876); Heidenstein Rer. Polonic. libri, XII; Ulefeld, Legatio moscovitica (Startshevski, I); Oderborn, Joannis Basilidis vita, Vitebsk, 1585; Guagnino, Omnium regionum Moscoviae descriptio (Startshevski, I); Taube et Kruse, Zar Ivan der Grausame, 1572 (Evers, Beiträge zur Kenntniss Russlands, 1816); Margeret, Etat présent de l'empire de Russie, Paris, 1669; Fletcher, Treatisee of Russia, Londres, 1856; Horsey, Travelo, London, 1851; критику этихъ источниковъ см. у *Арцыбашева*, въ его статьѣ, напечатанной въ В. Евр., 1821 году; ср. Сборникъ *Муханова*, М., 1836; Акты историческіе, 1841 т. I.—Синодикъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря былъ напечатанъ *Устряловымъ* въ его изданіи соч. Курбскаго, СПБ., 1868; другіе синодики см. у *Толстого*, Русскія Древности, СПБ., 1897, I и въ Сѣверной Пчелѣ, 1847, № 50. — Документальныя данныя, относящіяся въ частности къ Симеону Бекбулатовичу, см. въ Сокращенномъ Временникѣ, манускриптъ И. П. Б. (*Соловьевъ*, Исторія Россіи, VI, пр. 94); далѣе Морозовская хроника (*Карамзинъ*, Исторія IX); ср. Кубасовскій Хронографъ (*Катыревъ-Ростовскій*, приписываемый *Кубасову*) въ изданіи *Попова* (Обзоръ Хронографовъ, М., 1869).